

СООБЩЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ в конце 30-х годов XIX столетия

И. А. Федосов

Вторая половина 30-х годов XIX столетия — время наивысшего разгула николаевской реакции. В истории русского общественного движения это был период значительного спада революционной волны. Однако самодержавию не удалось полностью приостановить брожения, происходившего в передовых кругах русского общества. Голоса протеста против гнета самодержавия и крепостничества звучали очень глухо, но они свидетельствовали о том, что революционные, антиправительственные выступления не прекращались и в эти мрачные годы.

Материалы об этих выступлениях до сих пор остаются достоянием архивов. В исторической литературе нет ни одной работы, посвященной анализу революционных выступлений конца 30-х годов. Между тем фонды III отделения, департамента полиции исполнительной, главного военно-судного управления и других карательных органов николаевского правительства содержат важные (хотя и односторонние) данные о таких выступлениях.

После разгрома восстания декабристов, а затем подавления польского восстания самодержавию удалось справиться с тем общественным брожением, которое имело место в конце 20-х и в начале 30-х годов. Укреплению его позиций способствовали и успехи внешней политики: удачные войны с Турцией и Персией. Казалось, не было силы, способной противостоять русскому самодержавию. В то же время революционный подъем начала 30-х годов в Западной Европе сменился полосой упадка, торжества реакции.

В этой обстановке некоторыми кругами русского общества овладели настроения пессимизма, отчаяния, неверия в силы русского народа и в возможность его лучшего будущего. Один из либеральных дея-

телей этого периода, А. В. Никитенко, писал в своем дневнике: «Сначала мы судорожно рвались на свет. Но когда увидели, что с нами не шутят, что от нас требуют безмолвия и бездействия...— тогда все юное поколение вдруг нравственно оскудело. Все его высокие чувства, все идеи, согревавшие его сердце, воодушевлявшие его к добру, к истине, сделались мечтами без всякого практического значения — а мечтать людям умным смешно»¹.

Наиболее ярко эти настроения отразились в выступлениях двух передовых представителей русского общества — друга Пушкина и декабристов П. Я. Чаадаева и профессора Московского университета В. С. Печерина «Философическое письмо» Чаадаева, опубликованное в 1836 г. в журнале «Телескоп», явилось гневным протестом против общественного и политического строя России, против того застоя общественного и идейного развития, который порождала крепостническая система. «Письмо» Чаадаева, — писал А. И. Герцен, — было своего рода последнее слово, рубеж. Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь», оно «потрясло всю мыслящую Россию»². Разуверившись в возможности общественного прогресса, Чаадаев не видел ничего светлого ни в прошлом, ни в настоящем русского народа, не верил он и в счастливое будущее для России. Он пришел к ошибочному выводу, что русский народ не способен к самостоятельной умственной деятельности и воспринимает «всегда лишь готовые идеи», что у России нет ни своих мыслителей, ни своих ученых. Герцен в «Дневнике» за 1842 г. писал о Чаадаеве: «...при всем большом уме, при всей начитанности и ловкости в изложении и развитии своей

¹ А. В. Никитенко. Дневник. Т. I. Гослитиздат. 1955, стр. 143.

² А. И. Герцен. Былое и думы. Т. I. М.-Л. 1932, стр. 433.

мысли он ужасно отстал.. это голос из гроба,—голос из страны смерти и уничтожения. Нам странен этот голос. Истинного оправдания нет им, что они не понимают живого голоса современности»³. Между тем «живой голос современности» не переставал звучать и в обстановке жестокой реакции. Об этом свидетельствуют революционные, антиправительственные настроения, нашедшие отражение в личных бумагах современников (дневники, письма, стихотворения, анонимные письма к царю и вельможам), попытки революционной агитации (распространение антиправительственных прокламаций, стихов и эпиграмм), наконец, попытки создания тайных революционных кружков. Сведения об этих выступлениях содержатся в агентурных донесениях, перлюстрации частной переписки, в донесениях жандармских офицеров и следственных делах. Несмотря на то, что эти сведения не рисуют полной картины общественного движения конца 30-х годов, они представляют тем не менее большой интерес. Изучение архивов карательных органов царского правительства свидетельствует о живучести освободительных традиций в России. Далеко не все антиправительственные выступления этого периода, попавшие в поле зрения карательных органов, поднимались на высоту революционного, политически оформленного протеста против всего общественного строя. Многие из них носили еще стихийный, политически незрелый характер. Однако в условиях торжества реакции, правительственного террора, в условиях спада общественного движения и такие незрелые выступления приобретали определенное политическое звучание.

В 1835 г. московский генерал-губернатор Голицын сообщал в III отделение о доносе «уволненного воспитанника С.-Петербургской медико-хирургической академии, с изложением в оном подозрения на титулярного советника Бризгуна, в принадлежности его к какому-то тайному обществу». За Бризгуном было установлено секретное наблюдение. Жандармский офицер писал: «Проживающий в Москве некто чиновник Бризгун... вольными рассказами о прави-

тельстве обратил на себя внимание», «хозяин квартиры, Бризгуном занимаемой, донес письменно... о свободных и даже дерзких суждениях своего постояльца». Бризгун был арестован и признался в том, что уже давно имел «свободный образ мыслей», который разделяли с ним некоторые знакомые ему лица. «В 1828 году Бризгун, живя в Рязанском уезде, познакомился с тамошним помещиком кн. Николаем Ивановичем Тенишевым, который, разговаривая при нем, Бризгуне, с соседними помещиками: Александром Дубовицким и Иваном Ивановичем Шуваловым, об образе правления, всегда оставались оным недовольными». При обыске в квартире Бризгуна было обнаружено «дерзкое рассуждение о самодержавной власти, его рукою списанное». Следствия III отделению закончить не удалось: Бризгун умер. Материала для обвинения рязанских помещиков найдено не было. Однако следствие установило, что князь Тенишев, «состоя на службе в Конно-Пионерном эскадроне, был в тесной дружбе с офицерами того же эскадрона, оказавшимися впоследствии государственными преступниками (декабристами—И. Ф.) Назимовым и Пушиным... Но многие же замечали его свободный образ мыслей»⁴.

Дело Бризгуна характеризует антиправительственные настроения того времени, живучесть этих настроений: Бризгун пронес их с 20-х годов до самой своей смерти в тюрьме. Антиправительственные взгляды Бризгуна разделяли и другие лица, повидимому, знакомые прежде с некоторыми декабристами.

Оппозиционные настроения выражались в симпатиях русских людей к польскому народу и его самоотверженной борьбе с самодержавием. Весьма интересно в этом отношении письмо губернской секретарши Перваго к своему сыну, написанное в декабре 1835 года. «В оном письме... понося власть господ над крестьянами, [Перваго] между прочим выражается следующими словами: «сердцем и душою сокрушаюсь, что не удалось бедным полякам сыскать свободы; конечно, не пришел еще на то час воли божией; однако, я и не отчаиваюсь; но с твердым упованием и надеждой на благость и милосердие спасителя ожидаю, что со временем все будут свободные, и

³ А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. II. М. 1954, стр. 226. Фигура Чаадаева чрезвычайно сложна и противоречива. Его деятельность заслуживает самостоятельного исследования. Мы ограничились самыми общими соображениями, необходимыми для данной темы.

⁴ Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. 109, I эксл., 1835 г., д. 117, лл. 1, 2 об., 8 об., 28, 33.

что не по капризам и не из алчности славы одного коронованного злодея будет проливаться кровь человечества... сознаюсь тебе, душа моя, что одно имя кровожадного злодея нынешнего мазанного достаточно, чтобы взволновать душу мою. Ужасно, что в нынешние времена есть столь низкие души, которые чтят варвара сего титлом земного бога; правда, что подобные ему тигры убажают его и с таковыми то людьми, с такими то чувствами я жить должна»⁵. Тот факт, что подобные мысли высказывала женщина, находившаяся в плену религиозных представлений, говорит о широком распространении освободительных идей в самой толще русского общества. Перваго жестоко поплатилась за свое письмо: без суда она была выслана в Вятку под надзор полиции.

О сочувствии в русском обществе борьбе польского народа за свою независимость говорят и другие документы. В 1835 г. шеф жандармов Бенкендорф сообщал московскому и петербургскому генерал-губернаторам: «Получено сведение, что находящийся в течение нескольких лет в Женеве князь Александр Голицын... состоял в тесных связях с пребывающими там польскими выходцами и поддерживал преступные их замыслы»⁶.

Большой интерес представляет дело гимназиста тульской гимназии М. Орлова. 12 сентября 1835 г. в городе Черни он был арестован и предан суду. У него «в кармане найдены некоторые нелепые и дерзкие выражения против веры и правительства». Что же это за «нелепые и дерзкие» выражения? В своем стихотворении «Несчастные минуты в жизни Орлова» он писал:

О Бог, источник всех ты зол!
 Боготворим был прежде мной,
 Ты добр, как люди говорят,
 Не верь, один лишь это вздор.
 Они притворство лишь творят.

О своем атеизме Орлов говорил и в стихотворении «Пирь гимназистов»: «...Мы атеисты, а не смиренны гимназисты». Ненависть к «тиранству», протест против существующих в стране порядков ярко выражены в стихотворении «Острожники», являющемся подражанием Полежаеву:

⁵ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1286, департамент полиции исполнительный, д. 555, лл. 2, 2 об.

⁶ ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1835 г., д. 247, л. 9.

А ты престрашными зверями
 Давно расслаблена страна!
 Умы дерущая [колпьями—?]
 Прекрасных юношей сдавна!
 Когда откинем мерзко бремя
 Справлять духовные законы?

О фурии, уж гробом пахнет
 В стране тиранства воздух весь.
 Убийство, зло, жестокость, спесь —
 Вот все законы властелина!

В эпиграммах «К эшафоту»⁷, «К Сенату»⁸ Орлов высмеивал царя и высшие правительственные органы. «За сочинение стихов с дерзкими выражениями против бога, религии и государя императора» Орлов был лишен всех прав состояния и сослан на каторжную работу в Сибирь, где пробыл до 1856 года.

Настроения и взгляды Орлова разделяли, очевидно, и те его друзья — гимназисты и семинаристы, — которые были привлечены к следствию по его делу⁹.

О большом интересе русского общества к освободительным идеям свидетельствует широкое распространение среди населения запрещенных книг. В 1836 г. жандармский офицер Панютин, находившийся в Харькове, представил Бенкендорфу «замеченную им у профессора тамошнего университета и у студента книгу, содертящую в себе учение Сен-Симона (Doctrine de Saint-Simon) и исполненную весьма вредными понятиями». По мнению Бенкендорфа, этот случай служил «доказательством, что запрещенные книги, получаемые профессорами... читаются и студентами»¹⁰.

III отделение, преследуя продажу запрещенных книг, закрывало книжные магазины, наказывало книгопродавцов, однако прекратить эту «вредную» торговлю так и не удалось. В 1833 г. во время обысков в книжных магазинах было обнаружено 7 055 запрещенных книг. А через два года жандармский полковник Панов вновь доносил в III отделение, что, несмотря на принятые меры, «некоторые простолюдины, известные под названием букинистов, занимаются продажей книг на улицах, принося

⁷ Закон царей
 И бич народа,
 Ты пища палачей,
 Ты знак романовского рода.

⁸ Законы все имеет в руке,
 А корона лежит на кабаке.

⁹ ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1835 г., д. 244, лл. 1, 4, 10, 7, 8 об., 13 об., 20 об., 24.

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 10, 1836 г., д. 113, л. 1.

таковые на дома по заказу... Букинисты приносят между позволенными разные запрещенные книги. «Люди сии,— писал Панов,— продавая позволенные книги по довольно дешевой цене, берут впятеро за книги запрещенные, причем, по свидетельству достоверных лиц, даже указывают иногда самые неопозволительные места для возбуждения большего любопытства в покупателе»¹¹.

В 1837 г. в поле зрения III отделения попал отставной поручик Алексей Квашнин-Самарин, сочинивший стихи «непозволительного содержания» под названием «Песня. Подражание английской народной песне — Владей, о, Англия, морями». В них он с горечью писал о культурной и технической отсталости русского народа, об унижении его иноземными пришельцами, о низкопоклонстве высших кругов русского общества; вместе с тем в стихах выражено чувство боли за крепостническое рабство русского народа:

За то какая честь народу,
Его на рынке продают¹².

При обыске у помещика Новгородской губернии Львова в 1844 г. были обнаружены противоположенные сочинения, относящиеся к концу 30-х годов. Львов учился в Московском университете, в конце 20-х — начале 30-х годов, очевидно, участвовал в одном из студенческих кружков. Его фамилия была названа в связи с расследованием о кружке Ивана Оболенского. В стихотворении 1839 г. «Исповедь» Львов писал о своих юношеских надеждах:

Я мнил природу покорить,
Разрушить троны самовластья,
Царей всех бездну сокрушить,
Народу возвратить все счастье...
Я вижу, зарево взошло,
Как море бурное потоком
Взволновалось оно.
Проснулось несколько сынов
На глас вопящего народа
И угнетенная свобода
Ярче запылала вновь.
Я тотчас бросился туда,
Узнать людей младых стремленье.

Время прошло... От былых надежд ничего не осталось, да и старых друзей уже нет. «Я горько плачу по друзьям»,— кончает Львов свое стихотворение. Этот же мотив былых надежд и разочарования повторяется в стихотворении «Видение», датированном 1840 годом. В стихотворении «Дорога в Петербург» Львов жалуется на то, что «сыны отечества» «забыли долг чести», не думают о «мести» самовластью. Однако Львова не покидала надежда на то, что придет время, когда восторжествует правда. В стихотворении «Из перевода песни Беранже» Львов писал, что лучших людей «истребляли гильотины» и «они должны теперь молчать, чтоб не попасться в паутины». «Но паутина истлевает»,— заключает Львов свое стихотворение, «и мор найдет» на тех людей, которые слышат «мудрецами», то есть на власть имущих. За вольнолюбивые стихи Львов был сослан под надзор полиции в отдаленную губернию¹³.

Резкой критике подвергались царская бюрократия, злоупотребления чиновничества. В 1837 г. в Подольской губернии был арестован архивариус Степулковский, который «навлек на себя сильное подозрение в хранении у себя возмутительных сочинений»¹⁴. Среди бумаг Степулковского была обнаружена рукопись комедии «Московский заседатель», которая являлась, по характеристике III отделения, «самым злобным пасквилем на русских чиновников». Действительно, николаевская бюрократия клеймится в этом сочинении весьма резко: «Знаете ли, господа, что такое Московский заседатель? — Человек, который дерет кожу, знает царские указы от доски до доски, а крадет проворнее чем бог воров Меркурий. Как муха, он везде сядет, везде угрызет, сто раз его отгонишь, сто раз опять влезет. Как блоха, он не отстанет, пока не насытится. Что делать с блохой и с мухой? Убить и больше ничего. Что делать с заседателем? Повесить и копец...». Не ограничиваясь этим, автор делает прямой выпад против самодержавия: «Все они таковы, начиная от царя. Сему последнему дай рубль или талер, он не только не сошлет тебя на Кавказ, но еще и графом сделает». Следствие не было доведено до конца: Степулковский умер вскоре после ареста.

Особенно бдительно царизм охранял от

¹¹ ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1833 г., д. 171, лл. 12, 27 об., 51—52.

¹² Там же, 1837 г., д. 12, лл. 2 об., 10 об.; ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 7, д. 168, л. 1. По «высочайшему повелению» Квашнин-Самарин был выслан в Новгородскую губернию.

¹³ ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1844 г., д. 196, лл. 39—41, 42 об.

¹⁴ Там же, 1838 г., д. 157, л. 1.

проникновения «революционной заразы» армию. Однако ни полицейский надзор, ни палочная дисциплина, ни репрессии не смогли совершенно «истребить» оппозиционные настроения в армии. В 1835 г. жандармский полковник Шубинский, сообщая о «восторгах» москвичей по случаю пребывания в Москве царя, вместе с тем писал: «Но при общем восторге прозорливость некоторых с прискорбием замечает какое-то неприятное чувство в обожаемом императоре! Источником оного полагают замеченное им слабое состояние войск, в Москве квартирующих; а это, по ближайшим соображениям, происходит будто бы от того, что корпус, исправляющий несколько лет караулы в Москве, наполняется по большей части молодыми офицерами, воспитанными или в Московском университете, где дух свободомыслия всегда обращал на себя внимание правительства, и из других московских учебных заведений, знакомых с свободною жизнью»¹⁵. Влияние на армию офицеров, воспитанных в духе свободомыслия в Московском университете, — таков источник недовольства царя, которому хотелось бы вовсе отгородить армию от жизни. Но достичь этого было невозможно. Правительственные меры, направленные против революционных элементов, приводили иногда к противоположным результатам. Например, такие распространенные в николаевской России меры наказания, как разжалование в рядовые и отдача в солдаты заподозренных в свободомыслии офицеров и студентов, способствовали проникновению в войска революционных, освободительных идей. Об этом в 1835 г. писал военному министру Чернышеву главнокомандующий действующей армией Паскевич: «Поставляю себе в обязанность обратить внимание Ваше... на нижних чинов, разжалованных из военных офицеров в гражданских чиновников, и на тех, которые, после отставления от службы за дурное поведение, поступают вновь на оную рядовыми».

Паскевич предлагал заменить разжалование в рядовые ссылкой в Сибирь на каторгу или заключением в крепость. Разжалованных же в солдаты направлять не в полки, а в исправительные батальоны¹⁶.

¹⁵ Там же, 1844 г., д. 196, лл. 4—5; 1835 г.; д. 50, л. 7 об.

¹⁶ Центральный государственный военно-исторический архив. Ленинградский филиал (ФЦВИАЛ), ф. 9. оп. 5, д. 8, кор. 5106.

Антисамодеждавые и антикрепостнические выступления конца 30-х годов не имели большого общественного значения, их резонанс был очень невелик. Но они свидетельствовали о том, что в недрах русского общества постепенно созревали новые силы, прокладывали себе дорогу антикрепостнические, революционные идеи.

Несмотря на жесточайший правительственный террор, на угрозу страшных наказаний за малейшее проявление свободомыслия, часть представителей русского передового общества не могла ограничиваться одними пассивными формами протеста. Некоторые из них пытались найти себе слушателей, активно воздействовать на жизнь, пропагандировать прогрессивные, антиправительственные идеи. Это были уже более активные формы борьбы против существующего общественного строя. Ленин указывал, что слово тоже есть дело, особенно в те эпохи, когда открытого политического выступления масс еще не было¹⁷. По архивным материалам можно установить эти более активные формы протеста: устная пропаганда антикрепостнических идей, анонимные письма царю и вельможам, требовавшие осуществления тех или иных прогрессивных реформ, распространение прокламаций антиправительственного содержания. Фактов такого характера для конца 30-х годов очень немного, что говорит об упадке общественного движения; тем внимательнее надо отнестись к тем небольшим материалам, которые сохранились в архивных фондах. Это поможет правильно выявить те тенденции, которые возникали в общественном движении и которые получили свое дальнейшее развитие в последующие годы.

В 1837 г. Бенкендорф доносил Николаю I: «Из Рязани, корпуса жандармов штабс-капитан Трубников... донес мне, что из Московского университета студент Герман Яковлевич Аппельрод, проживая в доме помещика Ряжского уезда Ляпунова, в качестве учителя его детей, объявил секретно в разговоре с жившею в том же доме гувернанткой, будто бы он, Аппельрод, есть один из членов тайного общества, состоящего из ста человек, посвятивших себя званию учителей и гувернеров в России, с тою целью, чтобы внушить своим ученикам и воспитанникам такие понятия, которые бы

¹⁷ См. В. И Ленин. Соч., Т. 9, стр. 53.

впоследствии могли произвести из них людей, вредных правительству и настоящему порядку дел». Секретное наблюдение установило, что Аппельрод «действительно иногда обнаруживал дух неприязненности к настоящему образу правления в России; толковал с величайшим энтузиазмом о свободе, о всеобщем равенстве..., что с такими толкованиями обращался он большей частью к управляющему имением Ляпунова крепостному его человеку и прочим дворовым людям». По наведенным справкам оказалось, что Аппельрод — сын московского ремесленника, окончил в 1832 г. Московский университет, «в кругу своих товарищей неоднократно обнаруживал дух вольнодумства; будто бы в дерзких выражениях относился на счет правительства; и что... у него были сходбища студентов»¹⁸. В другом случае до III отделения дошли слухи, что репетитор Поппель, готовивший детей к поступлению в гимназию, преподает историю «с разными неблагоприятными на счет России и правительства внушениями». В результате обыска «у Поппеля и живших у него учеников найдены тетради и книги весьма вредного содержания... записки, обнаруживающие действительность того, что Поппель внушал жившим у него... детям самые преступные мысли противу правительства»¹⁹. В этих случаях обращает на себя внимание то, что пропаганда велась разночинцами и была направлена не только к учащимся из среды мелких чиновников (Поппель), но и к крепостным дворовым людям (Аппельрод).

Одной из форм протеста против самодержавного строя еще в 20-х годах было распространение революционных стихов. Отдельные факты распространения антиправительственных стихов имели место и во второй половине 30-х годов. В 1839 г. возникло следственное дело по поводу распространения в Новочеркасске среди местных чиновников известной эпиграммы на Николая I, правда, в несколько измененной форме: «О, великий государь, премудрые твои законы, переменял ты мундир и панталоны. Не много нацарствовал, но много накуролесил, сто двадцать два сослал и четырех повесил»²⁰. Выяснилось, что распространял ее некто Иван Бочманов.

Антиправительственные стихи и песни получали распространение и в армии. В 1839 г.

Бенкендорф писал командиру образцового пехотного полка: «До сведения моего дошло частным образом, что в образцовом пехотном полку состоит на службе поручик Семенов, поступивший туда из полков действующей армии, и что офицер сей якобы привез из Варшавы стихотворения и песни, противные духу нашего правительства и неприязненные царствующей фамилии, которые он переписывает и передает своим товарищам». Следственная комиссия установила, что подлинная фамилия офицера, виновного в распространении стихов, — Есимонтовский и что стихи «О характере народов» и сказка, сочиненная капитаном Чернышевым, «О сравнении царя русского с царем немецким» ходили в полку по рукам, переписывались многими офицерами — Битнером, Дроздовским, Кренке, фон Фитингоф-Шеллем, Шарыгиным, Газенкампом и другими. Допрошенные офицеры заявили, что они списывали стихи «без всякой цели, будучи заинтересованы одною игрою слов, и в предположении, что стихи сии написаны Пушкиным»²¹. К сожалению, стихи в следственном деле не сохранились. Правительство сурово расправлялось с теми, кто осмеливался распространять подобного рода произведения. В 1838 г. был арестован, а затем выслан в Олонецкую губернию провинциальный чиновник Раевский «за распространение стихов, сочиненных корнетом Лермонтовым, с неуместными выражениями»²². Речь шла о стихах Лермонтова «На смерть поэта».

Своеобразной формой протеста против существующего строя являются анонимные письма, адресованные царю или высокопоставленным чиновникам. Такая форма протеста присуща более периодам спада революционной волны, периодам безвременья, когда не находилось сил и средств для подлинной борьбы с самодержавием. Анонимные письма имеют, как правило, характер предупреждения о возможности восстания или угрозы восстать и расправиться с адресатом, если не будут проведены определенные мероприятия. В 1835 г. протоиерей Казанского собора Мысловский получил пакет, в который было вложено четыре конверта с письмами. «Ежели бы и мы были такие же дураки, — говорилось в них, — и, ничего не зная, старались только, как Бенкендорф, обманывать государя императора, то бы и мы вместе с ним сказали: «Не бойся, го-

¹⁸ ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1837 г., д. 212, лл. 1—3.

¹⁹ Там же, 1839 г., д. 254, лл. 1, 1 об.

²⁰ Там же, д. 235, лл. 3, 3 об.

²¹ Там же, д. 212, лл. 1—5.

²² ЦГИАМ, ф. 1286, оп. 6, д. 284, л. 1.

сударь, все везде хорошо». Но мы не так-овские, мы должны сказать правду — «Берегись, государь, бо не токмо в Литве и Польше, но скоро и во всей нашей матушке Россия будет то, что во Франции». Бенкендорф совсем иначе понимает нынешние обстоятельства, а не так, как они есть... Он окружен самыми ничего совершенно не понимающими дуралями»²³. Письма были адресованы председателю государственного совета, военному министру, петербургским губернатору и коменданту.

Большой интерес представляет письмо, написанное в 1840 г. мелким чиновником Черниковым: «Великий государь император! Твоя великая Россия стоит у врат великого переворота. Врата замкнуты. Ты, монарх, любя твою отчизну, их должен отомкнуть. Отомкни! Ключами ты владеешь, тебе и суждено отомкнуть!.. Не допусти твою Россию для благоденствия самой России врата выламывать насилем, напором! Врата с петель сорвутся, и поколеблются столбы... Взгляни, монарх, ты на твою Россию... и ты увидишь: религия колеблется, законы слабы, суды империи и судьи их пристрастны! Там угнетен невинный, а там виновный торжествует — повсюду мзда, повсюду зло!»²⁴. Наивная вера в царя, «любящего свою отчизну» и способного якобы открыть путь к ее «благоденствию», и наряду с этим хотя и поверхностная, но все-таки критика существующего «зла» таковы любопытные черты этого письма.

В 1842 г. вдова чиновника 8-го класса де Лукини обратилась с анонимным письмом к начальнику штаба военно-учебных заведений, известному своим доносом на декабристов — Я. И. Ростовцеву: «Не нового года нужно пугаться! А теперешнего состояния. Цель мятежников сильна! Что тайная полиция — ничто! У них — своя. Поляки мстят за детей, а русские — за угнетение. Сыновей дворян принуждают служить в присутствии, где набито разбойниками — и тем что делается? Поселяется в юном добром сердце алчность... и бесчестности эгоизм... Подчиненный не может жаловаться на начальника, как бы прав ни был: это век Ивана Грозного. Полиция есть вертеп разбойников, присутственные места торгуют законами, бедного презирают, на службу не берут. Царь эгоист — неприступен и действует, как частный человек и медленной смертью морит подданных. Кредит подор-

ван. Лыстецы окружили престол. Вельможи — без чести. Подобного царя не нужно — он истребится и весь дом Романовых... Кровию он взшел на престол и кровию нашек избавимся от недостойного царя, который любит одни забавы. Он мошенников награждает...»

Спустя два месяца та же вдова писала в анонимном письме министру внутренних дел Перовскому: «...что до сих пор не бунтовали, то... останавливали нас... слухи не перемену; у нас все готово, тайная полиция не в силах уничтожить наши благие намерения. Царь эгоист, ведет себя как частный человек, окружил престол лыстецами и дураками; и подданных только разорять умеет, не слушает их, не удовлетворяет, следовательно, не достоин царствовать. Так как возмущение не растворяется на розовой воде, а на крови человеческой, то вы, ваше превосходительство, можете остановить сие зло, вот как...» И далее рекомендуются следующие мероприятия: наказать чиновников, виновных в злоупотреблениях, сменить обер-полицмейстера («атаман и взяточник»), увеличить жалование «новым чиновникам», понизить цены на рынке, истребить роскошь, вельмож заставить платить долги, «подкрепить законы». «Но если сие не будет сделано к 1 мая, мы хуже поступим Кавказа — не пожалеем себя, камень на камень поставим Петербург и Москву. Что для нас Бенкендорф — баба, которая принадлежит к юбке, и Дубельт — болван свистящий»²⁵.

Положительная программа этих анонимных писем весьма ограничена, серьезной политической мысли в них не чувствуется, да к тому же и продиктованы они личной обидой; однако эти письма, видимо, отражают недовольство в среде тогдашнего общества.

Чтобы исчерпать выступления подобного рода, остановимся еще на одном письме, относящемся к 1843 году. В этом году Клейнмихель подверг жестокому наказанию несколько воспитанников корпуса путей сообщения (600 розог каждому и отдача в солдаты). После того многие сановники (Волконский, Чернышев, Меньшиков, Бенкендорф, Орлов, Нессельроде, Канкрин, Киселев, Уваров, Клейнмихель и др.) получили по почте анонимные стихи с угрозами Клейнмихелю²⁶.

Анонимные письма как форму протеста ни в коем случае нельзя переоценивать.

²³ ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1835 г., д. 295, л. 2.

²⁴ Там же, 1840 г., д. 64, лл. 12, 12 об.

²⁵ Там же, 1842 г., д. 84, лл. 2, 4 и об.

²⁶ Там же, 1843 г., д. 213, лл. 1—5.

Но вместе с тем наряду с другими материалами они свидетельствуют о настроениях общественности, о том, что умиротворения России Николаю I так и не удалось достигнуть даже в периоды своего почти полного торжества.

Гораздо большее общественное значение имели прокламации, обращенные к более широкому общественным кругам, нередко непосредственно к народу. Этот вид пропаганды получил распространение уже после восстания декабристов, в конце 20-х или начале 30-х годов. Нами найдено 4 документа такого рода, относящиеся ко второй половине 30-х — началу 40-х годов. В 1841 г. одна из прокламаций была расклеена (в 2 экземплярах) на колоннах Зимнего дворца. В ней, между прочим, говорилось: «Где пристрастие и невежество губит таланты, там нет истинного правления и беден там царь. Монарх! Ты отец и властелин своего народа,— уничтожь это пагубное зло,— оно сильно свирепствует в России; уничтожь этот невежественный деспотизм; ибо смерть отличных подданных твоих... не составляет твоей славы и скоро потрясет самый трон твой...»²⁷.

В 1836 г. на улицах Петербурга было обнаружено несколько прокламаций, составленных, по видимому, одним и тем же лицом. Появление этих прокламаций рисуется по следственному делу следующим образом. В ночь на 2 сентября 1836 г. титулярный советник Бородулин, идя домой по Чернышевскому переулку, заметил около лабаза бумагу — воззвание к восстанию — и представил ее губернатору. «Между тем, как на счет сего производилось розыскание, а именно в ноябре месяце, появились другие подброшенные записки, которые хотя писаны в другом смысле, но столько же преступного содержания, как и первая». Всего было найдено в разных местах пять таких прокламаций. В одной из них автор, стремясь вызвать общественное возбуждение, объявлял о мнимой смерти царя. Приводим некоторые места из них:

«Земляки!

Император Николай помер! Не зевайте! Наследник, молодой 18-ти летний мальчик еще глуп и неопытен, Михаила Павлович далеко за границей! Господа хотят этим воспользоваться и посадить на царство немецкого генерала! Долго ли дворянам нас обманывать».

«Злополучные россияне! Наш царь нас

грабит и награждает иностранцев, вводит в Россию иностранные законы... Да не потерпим мы сего и устремим против него кинжалы; уже тысячи человек ищут его смерти, прошу и вас присоединиться к нам и уговорить ваших друзей; а в пятницу 4-го декабря в девятом часу вечера явиться с оружием на Царицын луг. Пароль: святая мученица Варвара. Сии воззвания разбросаны по всему городу».

«Злополучные россияне! Кому вы служите, не щадя живота? Вы служите неблагодарному Николаю, который не умеет, или не хочет уметь ценить ни трудов, ни пожертвований своих подданных (русских), ни той любви, какую вы к нему питаете; ежели он властитель такого исполнинского государства, какова Россия, то он должен быть и отцом своих подданных; а Николай — не отец, а грабитель русских; он грабит их и награждает иностранцев, которые даром едят русскую хлеб-соль; он сыплет миллионы рублей в иностранных землях на потеху иностранцам, а свою империю оставляет в нищете; он слушает наставления иностранцев и вводит в Россию иноземные законы, уменьшает штаты и через то делает многих почтенных мужей несчастными. Неблагодарный! Он достоин мщения своих подданных. Да не потерпим мы сего и устремим все против него кинжалы; и избавим Россию от бедствий, свергнув Николая. Я первый подыму на него руку, а со мной есть уже тысячи человек в заговоре. Советую и вам то же сделать и подговорить Ваших друзей. В пятницу 4 декабря прошу готовых на сие явиться на Царицын луг в девятом часу вечера, пароль — святая мученица Варвара. Бог нам помощник в правом деле. Такие воззвания рассыпаны по всему городу»²⁸.

III отделение заподозрило в составлении прокламаций самого Бородулина и его сына, сличило почерки, нашло какое-то сходство и сослало их обоих в Олонецкую губернию, хотя оба категорически отрицали свое авторство.

Вряд ли можно на основе этих единичных прокламаций, социальная и политическая программа в которых совершенно не разработана, делать какие-либо широкие выводы. Во всяком случае, самое обращение к городским низам является свидетельством процесса демократизации русского революционного движения, которое наметилось после восстания декабристов.

²⁷ Там же, 1841 г., д. 299, л. 3.

²⁸ Там же, 1837 г., д. 2, лл. 3, 15, 67 об.

К концу 30-х годов относится несколько попыток создания революционных кружков.

В 1834 г. подпоручик астраханского гарнизона князь Урусов попытался поднять восстание астраханского гарнизона, опираясь на служивших здесь поляков. Для этой цели он сблизился с сосланным в Астрахань участником польского восстания канцеляристом Адамом Янишевским. Жандармский офицер доносил, что «Урусов... чувствуя к нему (Янишевскому.— И. Ф.) дружбу, разделял вполне образ мыслей его в отношении польской революции, состоящей в одобрении поступков мятежников». На следствии Урусов признался, что «он с Янишевским имел короткую связь дружбы, причиною коей было сходство их характеров и одинаковый образ мыслей», что «в продолжении сей дружбы нашел он в Янишевском человека с нравом решительным, заметя в нем революционное действие...». Урусов и Янишевский «занимались нередко политическими рассуждениями» и имели «короткое обращение с рядовыми». По заключению военно-судной комиссии «рассуждения сии... имели предметом последние происшествия в Польше и состояли главнейше в одобрении революционных действий поляков. При означенных рассуждениях, в которых участвовали вместе с Янишевским кн. Урусов и рядовой из поляк Горецкий, произносились слова «настанет час», упоминалось о великом событии за счет переворота государства, ожидаемого в 1836 году». Выяснить политическую идеологию по этим скудным сведениям невозможно, во всяком случае, она носила антиправительственный характер. Особенно важно и интересно то, что здесь мы встретились с попыткой организовать совместное выступление поляков и русских. Участники заговора были осуждены на бессрочную каторгу²⁹.

С глухим упоминанием о тайном обществе мы встречались уже в рассмотренном выше деле Аппельрода. Он выдавал себя за члена тайного общества, имевшего целью пропаганду революционных идей среди юношества. Скорее всего Аппельрод в свои студенческие годы принадлежал к одному из многочисленных университетских кружков. Но самая мысль о создании тайного общества для пропаганды революционных идей весьма показательна.

Более серьезной была попытка создания тайного кружка на заводе Лазаревых в Пермской губернии в 1836 году³⁰. Организатором кружка был крепостной ученик горнозаводской школы Петр Поносов, а его участниками — ученики горнозаводской школы, мелкие чиновники, учителя. Целью кружка была борьба «за установление всеобщей вольности». «Общество» подготовило воззвание к народу с призывом «ниспровергнуть соединенными силами невольничество, восстановить свободу и через то заслужить благодарность потомства». «Правила» общества объявляли его основной задачей распространение революционных идей. Кружок был вскоре раскрыт, участники его поплатились отдачей в солдаты. Проникновение революционных идей в среду крепостной интеллигенции очень обеспечило правительство, и оно предприняло новые меры, чтобы ограничить возможность образования для крепостных.

Другую попытку создания тайного общества предпринял сын помещика Тверской губернии Александр Жеребцов, следственное дело о котором возникло в 1839 году. Александр учился в Московском университете и окончил его в 1834 году. Отец его, допрошенный в III отделении, так характеризовал взгляды и настроения сына: еще в юности, «к сожалению моему, изредка выказывались в нем, несмотря на ребяцкие его лета, склонность к свободомыслию и пылкость воображения». После окончания университета А. Жеребцов проявлял «расположение к вольнодумству, чрезвычайную гордость... Возрастающую пылкость и воспламенительность в воображении, и к тому неуместные рассуждения и толки о разных образах правления, летам его вовсе несвойственные, и следственно неосновательные и нелепые... Страсть его писать стихи... доставила мне однажды в руки бумагу... в которой к глубокому моему огорчению нашел я мысли явно ложные, вольнодумство, неуважение властей вообще, и даже непристойные слова на счет своего государя».

В фонде вещественных доказательств III отделения сохранились стихи Жеребцова. Горячая ненависть к самодержавию, произволу и насилию, воспевание подвига декабристов, стремление к отмщению за

²⁹ Там же, 1834 г., д. 62, л. 4; ФЦВИАЛ, ф. 9, оп. 18, л. 17, ч. 2, лл. 219, 228 об., 233.

³⁰ Подробнее об этом кружке см. К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России. СПб. 1908; И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л. 1925, стр. 286—287.

кровь загубленных Николаем I людей — таково содержание этих стихотворений.

В одном из них, «Жертвам тиранов всех времен», говорилось:

Давно ль тиран своею волей
 Пять жертв меж нами погубил?
 За подвиг славный — грозной долей
 Враждебный рок их наградил!
 Но на царя за преступленье
 Клеймо глубокое презренье
 Возложит осрамленный край!
 И над печальною гробницей
 Потомство грозною десницей
 Напишет кровью: Н[иколай].
 Настанет день, когда их тени
 Народ проснувшийся отметит
 И трона гордые ступени
 Тирана кровью обагрит.
 Но мучеников благородных,
 В святых преданиях народных,
 Мы вечно память сохраним,
 И лоскутами багряницы
 Осыпав скромные гробницы,
 Кресты над ними водрузим.

Повидимому, еще в студенческие годы Жеребцов задался мыслью составить тайное общество «к ниспровержению и преобразованию правительства в России». Эта идея настолько прочно овладела им, что он постоянно искал возможности примкнуть к какому-нибудь тайному обществу. III отделение так квалифицировало его «преступление»: «Хотя заговор этот не существовал действительно, но Жеребцов несколько лет столь сильно и постоянно был занят преступными мыслями об оном, что, по собственному его сознанию, если бы представился случай, тотчас бы сделался действующим лицом какого бы то ни было тайного общества». Пытаясь осуществить свои замыслы, А. Жеребцов вел антиправительственные разговоры в кругу родственников. По словам его брата Петра, он «очень прельщался и желал бы для своего отечества (другого. — И. Ф.) правления... да еще спросил у меня однажды: готов ли я жертвовать всем для блага отечества, будучи уверен во мне, он доставит мне к тому случай, что это однако же еще тайна и что со временем ее узнаю». Попытка составить тайное общество не удалась. Скрывшись от «голубых мундиров» за границу, А. Жеребцов и там не оставил своих замыслов. В Италии у него жили родственники — дядя, граф Дорер (брат матери), и двоюродные братья. Жеребцов попытался убедить братьев примкнуть к тайному обществу.

III отделение докладывало царю: «Составив в воображении своем несуществующий заговор, распространял за границу молву как бы о действительном заговоре к ниспровержению и преобразованию правительства в России».

Мотивы своих поступков Жеребцов объяснял следующим образом: «...план я точно имел, сам его составил и уверив моего двоюродного брата... что получил из России, но сколько помню не сказав... от кого, я, все думая о возможности составить заговор и готовя к тому своих братьев, коих часто уговаривал ехать со мной в Россию, хотел заранее их к тому приготовить, думая, что после успею объяснить им причины моих выдумок». План «тайного общества», нарисованный Жеребцовым своим братьям, свидетельствует о хорошем знакомстве его с историей декабристских организаций и является в значительной части воспроизведением идей и тактики декабристов. Общество это будто бы возникло в 1831 г. и состояло первоначально из 12 молодых людей, которые «присягнули быть поборниками свободы и счастья своего отечества». В 1832 г. «общество» окончательно «оформилось» и получило якобы название «Общество соединенных славян». Главным начальником общества Жеребцов называл декабриста Михаила Орлова, руководителем его военных сил — генерала Ермолова. В состав общества будто бы входили представители аристократических фамилий — Трубецкой, Голицын, Мещерский, офицеры Преображенского и кавалергардского полков. Учредители общества, по словам Жеребцова, намеревались покрыть его ответвлениями — ложами — всю Россию и Польшу, открывая эти ложи в день 14 декабря — в честь восстания декабристов; день казни декабристов должен был отмечаться, как день траура. Ложи мыслилось учредить в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе и Варшаве. Для связи с революционерами предполагалось послать эмиссаров в Австрию, Венгрию, Силезию, Богемию, Францию, Италию и другие страны. Участники общества делились на два крыла: сторонников демократического правления и сторонников аристократии (демагогии); те и другие — сторонники цареубийства и истребления всей императорской семьи. В состав общества, по словам Жеребцова, входили многие студенты, женщины, один купец. Располагая большим числом подготовленных к восстанию войск, общество готовило будто бы восстание, назначенное на 1 января 1840 го-

да. Таков план, созданный воображением А. Жеребцова.

Жеребцов не ограничивался распропагандированием своих братьев. «Вольные» разговоры он вел и среди других своих знакомых, посещая их проездом в Вене, Кракове. Он показывал на следствии, что в Вене и Кракове некоторые знакомые предупредили его «об опасностях», которые он навлек на себя «непомерно смелыми выражениями и выходками, даже в публичных местах на счет разных политических предметов». Попытка Жеребцова кончилась печально: дядя его вместе с одним из сыновей приехал в Россию и написал обстоятельный донос на племянника, потребовав за сообщение такой «важной» тайны огромные деньги. Правительству пришлось заплатить 20 тыс. рублей. Жеребцов был сослан под надзор полиции в Пермь³¹. Однако и в ссылке он не оставлял «неблагонамеренных» мыслей. В 1849 г. до III отделения дошли сведения из Перми, что Жеребцов «сблизился с высланными туда по политическим делам польскими уроженцами и принимал участие в их сборищах и в изъятии неблагонамеренных против правительства выражений». А в 1856 г. казанский губернатор сообщал в III отделение, что «никакие советы и внушения не могут склонить г-на Жеребцова к скромной жизни, что он «безбожник, к правительству неблагонадежен»³².

Известна еще одна попытка создания тайного общества в конце 30 — начале 40-х годов. В 1846 г. чиновник Ромашев был «изобличен» в составлении республиканской конституции и в рассылке ее по почте, в намерении составить тайное общество и в написании революционных стихов для распространения в народе. Однако на следствии Ромашев заявил, что все эти документы и намерения относились к более раннему периоду его жизни — концу 30-х годов. В следственном деле, к сожалению, не сохранился составленный им проект республиканской конституции. По признанию Ромашева, он «думал воспользоваться неспокойным духом западного края, развить из

них заговоров общий заговор к введению в России республиканского правления». Ромашев не только составил проект конституции, но и попытался распространить его, посылая по почте, правда, не в 20 тыс. экземпляров, как он думал вначале, а всего в 4 рукописных. Вместе с конституцией он рассылал и свои стихи «для распространения возмутительных правил в народе». Своей знакомой Ашкевич он говорил о «переворотах политических», о том, что «принадлежал к партии заговорщиков против престола и составлял разные для этого предположения.. что у него есть уже значительное число действующих «товарищей...»³³. За свои «мечты» Ромашев заплатил пожизненным тюремным заключением. В его планах необходимо отметить следующие интересные моменты: республиканский характер конституции; попытка опереться на западные русские губернии (как известно, петрашевцы позднее также обращали пристальное внимание на эти районы); идея совместного выступления русских и поляков во имя республиканского федеративного строя; и, наконец, надежды на восстание народных масс, отсюда и стремление широко развернуть революционную агитацию путем рассылки большого количества экземпляров конституции, стихов и пр. Планы Ромашева так же очень незрелы, как и большинство других выступлений того времени, однако в них мы видим и некоторые новые моменты.

Рассмотренные материалы об антиправительственных, оппозиционных выступлениях второй половины 30-х годов позволяют сделать следующие основные выводы.

1) Конец 30-х — начало 40-х годов XIX в. были периодом спада общественного возбуждения, упадка революционного движения. Это выразилось и в значительном уменьшении количества революционных выступлений, измелчанию их, в почти полном отсутствии коллективного протеста, наконец, в содержании самих выступлений — отсутствие четких, разработанных политических требований. Глубокий упадок революционного движения и был объективной основой распространения настроений пессимизма, отчаяния, скептицизма, неведения в силы русского народа.

2) Однако и в это страшное время находились люди, которые, пусть стихийно, оди-

³¹ Причина столь сравнительно легкого наказания в том, что правительству невыгодно было производить шум вокруг этого дела; за границей могло создаться впечатление о действительно большом заговоре.

³² ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., л. 167, ч. 1, 1839 г., лл. 189 об.—190, 17, 17, об., 19—20, 21—22, 27—72, 81—82, об., 390 об.—391, 184—185, 372 об., 390 об., 511; ч. 2, лл. 47 об., 48.

³³ Там же, 1846 г., д. 232, ч. I, л. 30 об.

ноко, не всегда осознанно, протестовали против деспотического гнета. И для этого времени справедливы слова Герцена: «Россия — не только казарма и царская канцелярия, но еще таит в себе глубоко революционные элементы»³⁴. И хотя голос этих людей звучал глухо и одиноко, эти выступления были предвестниками нового подъема общественного движения.

3) В революционных выступлениях этого времени можно рассмотреть уже некоторые новые тенденции, которые найдут свое развитие в последующем подъеме общественного движения 40-х годов: дальнейшая демократизация участников антиправительственных выступлений, попытки обращения с революционной пропагандой к народу, попыт-

ки организовать совместные выступления русских и польских революционеров против самодержавия, изживание иллюзий декабристского движения о возможности более или менее бескровной, верхушечной революции.

В условиях 30-х годов XIX столетия еще отсутствовала четкая поляризация общественных сил прогрессивного лагеря; классово различные тенденции в условиях слабого развития капитализма при спаде революционного движения могли существовать вместе как противовес лагерю крепостников, рассматривавшему всякое проявление инакомышления как борьбу против «священных» устоев. Оформление общественных течений прогрессивного лагеря в классово различные направления, начальные моменты размежевания их относятся к более позднему времени — к 40-м годам XIX века.

³⁴ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. VIII, стр. 91.